

W 209
32
МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ ЧЕРКЕССКОГО НАРОДА

ВЫПУСК 2.

М. ПЕЙСОНЕЛЬ

ИССЛЕДОВАНИЕ ТОРГОВЛИ
НА ЧЕРКЕССКО-АБХАЗСКОМ БЕРЕГУ
ЧЕРНОГО МОРЯ В 1750 — 1762 г.

(Traité sur le commerce de la mer Noir)

В ИЗЛОЖЕНИИ Е. Д. ФЕЛИЦИНА.

ИЗДАНИЕ ОБЩЕСТВА ИЗУЧЕНИЯ
АДЫГЕЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ.

КРАСНОДАР :: 1927.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ.

В русской военно-исторической литературе XIX века часто можно встретить мнение о черкесах, как о народе, живущем преимущественно набегами и военной добычей. Слово «хищник» и понятие «хищничество» являются излюбленными эпитетами, которыми уснащали свои произведения о черкесах казенные писатели, одержимые узким патриотизмом, ко всякому вопросу подходящие с кавалерийского налета и всякого стойкого противника обдающие ядовитой слюной. Это отсутствие самообладания, способности хладнокровно и объективно рассуждать о своих врагах вообще присуще чванному представителю крепостнической России. Аристократ-дворянин недавнего прошлого смотрел на все, покоренные Россией, национальности, как на представителей нисшей расы, подлежащих окончательно уничтожению или, в лучшем случае, полной ассимиляции. Все же национальности, стойко сопротивлявшиеся царской России и жертвовавшие всем, чтобы сохранить свою независимость и самостоятельность, являлись в глазах таких людей ничем иным, как «разбойниками, хищниками, злодеями, азиатами и басурманами», против которых картечь и рабство—единственные меры. Для более успешного и скорого порабощения национальностей, имевших несчастье соприкоснуться с царской Россией, представители ее всячески стремились одурманить головы русского трудового населения, которому систематически и сознательно прививали через литературу, школу и церковь высокомерное, презрительное и даже ненавистническое отношение к покоренным народам.

Иное отношение к черкесам мы видим у иностранных писателей. Примером этому служит Пейсонель, выдержки из труда которого нами печатаются в настоящем издании.

Сочинение Пейсонеля «Traité sur le commerce de la mer Noire» является единственным в своем роде. Пейсонель довольно подробно описывает ввозную и вывозную торговлю в XVIII веке черкесов, живших на территории, прилегающей к Черному морю, охватывая Натухайцев и часть Шалсугов, живших в западном углу Северного Кавказа. Та, оживленная по характеру и значительная по объему, торговля, которая велась этими племенами черкесов, является показателем довольно сложной экономической жизни и серьезной по своему значению торговли, которую вели все черкесские племена, насчитывавшие до двух миллионов человек, расселенные от Тамани до Абхазии, по берегу Черного моря и от Тамани через Темрюк по Кубани до Моздока.

Пейсонель, несмотря на то, что обстановка, в которой он писал свою работу, была не совсем благоприятна ввиду того, что он был лишен возможности объехать черкесскую территорию и на месте изучить ее экономику, все же дал относительно полную картину торговли черкесов. То изобилие цифровых конкретных данных, которое приводится автором в его труде, показывает, что он изучил вопрос достаточно внимательно и подробно.

Труд Пейсонеля с достаточной очевидностью опровергает большую фантазию казенных писак о черкесском народе и показывает, что народ этот стоял на достаточно высокой ступени культурного и экономического развития, нисколько не уступавшей такому же развитию России и многим другим народам тогдашних времен.

✓ При чтении книги Пейсонеля невольно напрашивается вопрос: где же этот вполне жизнеспособный и энергичный народ, который развивал свою культуру и экономику? куда же исчез этот оживленный муравейник, о котором говорит Пейсонель?

На это может быть один ответ—его разорил и уничтожил русский империализм.

Этот весьма ценный труд Пейсонеля, ставший теперь библиографической редкостью и описывающий культуру и экономику Черкессии в XVIII веке, Общество изучения Адыгейской автономной Области издает как материал для истории черкесского народа.

*Правление Общества изучения
Адыгейской автономной Области.*

ПРЕДИСЛОВИЕ.

В русской литературе первые известия о западно-кавказских горцах, основанные на более или менее близком и непосредственном изучении этих народов, стали появляться в начале XIX-го столетия. — Раньше все сведения о них, главным образом, черпались из иностранных источников. Географическое положение территории, занимаемой западно-кавказскими горцами, много способствовало их давним сношениям с цивилизованными европейскими народами. Наши горцы известны были грекам и римлянам еще до рожд. христ. — Византийцы распространяли у них христианскую религию; генуезцы и венецианцы вели с ними торговые сношения. Первое, хотя и краткое, но довольно обстоятельное описание горцев сделано было итальянцем Георгием Интериано в 1450 году. Затем в иностранной литературе имеется ряд других не менее ценных источников для ознакомления с горцами, каковы, например, описание доминиканского монаха Иоанна де Лука 1620 г., миссионера А. Ламберти того же года и другие. Хотя сближение черкесов с русскими началось еще при Иоанне Грозном и войска наши неоднократно являлись во владения горцев, но это не послужило к обогащению отечественной литературы мало-мальски подробными и достоверными о них сведениями. С учреждением русского владычества на Кавказе, началом которого можно считать основание в 1736 г. так называемой Моздокской линии с рядом крепостей и укреплений от этого города до Азова и затем с покорением кабардинцев и поселением казаков по р. Тереку и Кубани, горские племена возбудили к себе большой интерес и с этого времени стали возникать попытки к изучению их. — Но по обстоятельствам того времени попытки эти не могли иметь успеха. — Изучение горцев сделалось возможным только в начале XIX-го столетия. До 1829 года река Кубань составляла границу наших владений в этом крае и закубанские горцы находились под покровительством Турции, скорее номинальном, нежели фактическом. Но после разрыва с Турциею и занятия войсками нашими крепости Анапы, Россия, по Адрианопольскому миру, приобрела также все то, что принадлежало прежде Отоманской Порте. Не признавая однако-же Адрианопольского трактата, горцы отказались от повиновения России и решились с оружием в руках твердо отстаивать свою независимость. С этой поры предпринято было систематическое покорение западно-кавказских народов и возникла война, завершившаяся в 1864 г. Источниками для ознакомления с западно-кавказскими горцами до окончания войны и умиротворения края, совершавшегося постепенно, в течение многих лет, большею частью служили

извѣстия, получаемые от лазутчиков, пленных и немногих офицеров, решавшихся предпринимать с этою целью рискованные поездки в горы. Понятно, что собираемые таким путем данные не могли отличаться желаемой полнотой и достоверностью, хотя, впрочем, труды некоторых лиц, задавшихся целью изучения горцев в это тревожное время, настолько обстоятельны и хороши, что не лишены даже современного интереса. К числу их надо отнести сочинение С. Броневскаго «Новѣйшіе историческіе и статистическіе свѣдѣнія о Кавказѣ», изданное в 1823 году, Тетбу-де-Мариньи изд. 1836 года, Н. Карлгофа изд. 1853 г., статьи Люлье, Торнау, Услара, Сталя, Шор-бек-Нагмова и других. Впоследствии, когда под ударами русскаго оружія, горскіе племена одно за другим стали изъявлять покорность и страна сделалась доступною для мирных исследований, запас наших свѣдѣній о них стал значительно обогащаться и теперь русская литература располагает уже весьма ценным матеріалом для ознакомленія с некоторыми сторонами жизни этих народов, хотя, к сожаленію, многое еще остается не только неисследованным, но даже совершенно не затронутым. Так, например, труды барона Услара, Люлье, Дубровина, Берже, барона Сталя, Леонтовича, Шор-бек-Нагмова, несмотря на многие другіе свои достоинства и важное значеніе для науки, весьма мало знакомятъ нас с загадочною исторіею западно-кавказских горцев, не разъясняют вопроса о происхожденіи этих народов и разделенія их на племена, не дают, за исключеніем бар. Услара и Люлье, никакого понятія о их языкѣ и почти вовсе не касаются общественно-экономическаго быта и состоянія у них торговли. Пробел, замечаемый в этом последнем отношеніи в русскіх источниках, до некоторой степени пополняется сочиненіями англичанина Белля, польскаго эмигранта Лапинскаго и, отчасти, Дюбуа-де-Монпере известнаго французскаго путешественника и ученаго, оставившаго нам классическое описаніе Кавказа. Но и у них говорится преимущественно о современном положеніи торговли и экономическій бытъ горцев представляется в таком видѣ, в каком они находили его во время своего пребыванія на западном Кавказѣ. Свѣдѣнія, передаваемые этими иностранными писателями о прошедшем, настолько скудны и отрывочны, что, пользуясь ими, нельзя составить себе яснаго представленія о нуждах и потребностях горскаго населенія, о размерах ввозной и отпускной торговли, существовавшей в странѣ их даже в такую сравнительно недавнюю эпоху, как XVIII-ое столѣтіе. Это обстоятельство побудило меня обратиться к сочиненію Пейсонеля, у котораго приведено много интереснах свѣдѣній, не встречающихся у других писателей. Сочиненіе Пейсонеля «Traité sur le commerce de la mer Noire», изданное в Парижѣ в 1787 году представляет собою замечательную библиографическую рѣдкость, которую я мог воспользоваться благодаря обязательному содействию и помощи М. Я. Каменскаго и Ф. Д. Иоралова. В предлагаемых здѣсь выборках из сочиненія Пейсонеля заключается все то, что имеет какое либо отношеніе к вопросу о социальном устройствѣ, торговлѣ и экономическом положеніи западно-кавказских горцев и ногайцев в XIX-ом столѣтіи, о чем, как уже замечено было выше, в русской литературѣ нет почти никаких достоверных свѣдѣній. Сюда, между прочим, включены также некоторые главы, трактующіе о монетѣ крымских ханов, о торговлѣ в Крыму и другіе, без которых могли бы встретиться затрудненія в правильном пониманіи всех последующих выборок. Некоторые места в предлагаемых выборках я счел нужным снабдить своими примечаніями, помещенными в концѣ очерка.

Е. Фелицын.

Исследование торговли на Черном море в 1750—1762 г.

Изучению мореплавания и торговли по берегам Черного моря, говорит Пейсонель в предисловии к своей книге, я посвятил большую часть своей жизни. Сознавая важное значение и выгоды, которые могла бы извлечь для себя Франция, пользуясь Черным морем для развития торговли, я начал с 1750 года, в бытность мою в Смирне и Константинополе, собирать по интересующему меня вопросу сведения от турецких, греческих и армянских купцов и с этою исключительною целью сводил с ними знакомство. В 1753 году я послан был в Крым в качестве консула короля французского при татарском хане. Находясь в центре Черного моря при условиях, предоставлявших мне возможность без особенных затруднений достигнуть желаемой цели, я значительно расширил круг своих сношений. по собиранию данных о торговле и, наконец, в 1762 году труд мой был окончен. С тех пор многое изменилось. По Кучук-Кайнарджийскому трактату русские получили право свободного плавания по Черному морю, приобрели три пункта в Крыму, основали на берегу Борисфена Херсонисского город, о котором, однако, я не упоминаю в своем сочинении, потому что его не существовало, когда составлялась эта книга; наконец весь Крым и страны, входившие в состав татарского государства, перешли под власть русской императрицы. Все это значительно видоизменило положение вещей, но, по многим причинам, объяснять которые не считаю уместным, я не признаю нужным делать какие либо поправки в своей книге и представляю ее в том самом виде, в каком она была мною составлена. Ограничиваюсь только некоторыми замечаниями относительно происшедших изменений в той мере, к какой это необходимо для того, чтобы познакомить своих соотечественников с теми новыми условиями, при которых может производиться торговля на Черном море с русскими в настоящее время и с теми затруднениями и препятствиями, какими сопровождается это дело при изменившемся положении вещей. Что же касается фактических и цифровых данных, касающихся торговли, то они оставлены в прежнем виде, без всяких изменений.

Малая Татария.

В настоящее время государство татарского хана включает в себе все страны, находящиеся к северу от Черного моря между рр. Кубанью и Дунаем, т. е.: 1) Бессарабию или Буджак, где кочует орда Буджакских ногайцев, между р. р. Дунаем, Днестром, Черным морем и Молдавией;

2) пространство, заключающееся между рр. Днестром, Борисфеном, Бугом и границами Польши, близ которых находится Эдисанская орда ногайцев; 3) равнины, лежащие между рр. Борисфеном, Доном и границами России; незначительная часть этих равнин занята ордою Джембулукских ногайцев; 4) полуостров Крым и 5) вся Черкесия от Еникольского пролива или Босфора Киммерийского до Кабарды, где расположена орда Кубанских ногайцев. (Пейсонель, часть I, стр. 4).

О монетах, находящихся в обращении в Крыму.

В Крыму, главным образом, обращаются монеты крымского хана и турецкого султана. Уже несколько лет сряду крымские ханы приказывают выбивать только маленькую медную монету, смешанную с весьма небольшим количеством серебра: ее называют бешлик (6 французских денье, 1 денье = $\frac{1}{12}$ су) или монету 5, потому что она стоит 5 аспров крымских (каждый аспр = $1\frac{1}{5}$ денье французских); 20 бешликов или 100 аспров образуют крымский пиастр (10 су французских), монету не действительную, а только счетную, как у нас, во Франции, турецкий ливр (=20 су). Ценность ханских монет находится всегда в полной зависимости от турецких монет, а стоимость последних повышается и понижается, смотря по обилию бешликов и редкости пиастров. Когда я прибыл в Крым, в конце 1754 г., турецкий пиастр, приравниваемый обыкновенно к 3 французским ливрам (ливр 25 коп.), стоил $7\frac{1}{2}$ пиастров крымских. Затем, во время дальнейшего моего пребывания в этой стране, ценность турецкого пиастра изменялась очень часто и при отъезде моем, в конце 1758 г., понизилась до 6 пиастров. Смышленный продавец денежных бумаг мог бы получить значительные выгоды во-время покупая и продавая секины и турецкие пиастры. Ныне царствующий хан, Крым-Гирей, выпустил серебряную монету, также называемую бешлик, но последний стоит два действительных турецких пара (или 3 су французских; су = 5 сантимам; пара = 2 коп.). Ценность этих последних бешликов не изменяется совсем и 20 их образуют турецкий пиастр. Крым-Гирей не воспретил, однако-же, употребление и старой монеты, которая находится в таком же обращении, как новые бешлики и турецкие монеты. Кроме ханских и турецких обращаются в Крыму также и некоторые иностранные монеты: венецианский секин имеет там ту же цену, что и в Константинополе, т. е. 3 пиастра 35 пара (11 ливров, 12 су, 6 денье французских); la sevillanсе продается по пробе серебра, которое по цене немного выше, чем в Турции; голландский секин, называемый по турецки баджаклы, идет обыкновенно по 3 пиастра, 26 пара, 2 аспра (11 ливров); польские эю — по 1 пиастру, 20 пара (4 ливра, 10 су), и $\frac{1}{4}$ эю, называемая Finfs, по 15 пара (1 ливр, 2 су, 6 денье). Русские рубли — монета не употребительная в Крыму и не имеет определенной стоимости. Их цена увеличивается и уменьшается, смотря по требованию. Имеется также небольшое количество имперских эю (?), но они мало обращаются в народе и на них смотрят, как на товар. (Пейсонель, часть I, стр. 199 — 201).

Во второй части сочинения Пейсонеля встречается еще одна глава, посвященная монете крымских ханов, в которой автор говорит, между прочим, что в Крыму константинопольских пиастров бывает много, когда плата *Seymens* (?), пенсии султана и мирз, производится наличными пиастрами; бешлики редки, когда ханская монета выходит из обращения или же когда спекулянты ухитряются контрабандой удалять их из пределов государства. Такого рода спекуляции способствует следующее обстоятельство. Изготовление ханской монеты отдается на откуп, соединенный с откупом солеварень в Оркопи, попадающий обыкновенно в руки армян или евреев. Откупщики эти пользуются известным уважением; хан одевает их в особые кафтаны, как придворных офицеров. Взятые на откуп изготовление монеты обязаны выпускать ее до 407 кошельков в год, что составляет около 90000 ливров французской монеты. Но главный доход откупщиков заключается, собственно, в солеварнях, потому что монета почти не имеет обращения, ввиду чего уже более года не было выбито ни одного бешлика, так как константинопольский пиастр никогда не спускался ниже 7 пиастров из бешликов. Понятно, что при таких условиях откупщики потерпели бы страшные убытки и даже разорились в конец, если бы не прекратили во-время чеканку монеты. По повелению хана, уклоняться от которого откупщики не могут, из 100 драхм металла должно получаться 425 бешликов и в этих 100 драхмах должно быть 15 драхм чистого серебра и 85 драхм меди. Между тем 15 драхм серебра, по расчету 9 турецких пара, составляют 3 турецких пиастра и 15 пара, а 425 бешликов, которые выходят из 100 драхм металла, составляют 21 пиастр из бешликов. Таким образом, константинопольский пиастр по своей ценности оказывается в 7 раз дороже крымского пиастра из бешликов. Следовательно, если бы откупщики продолжали чеканить ханскую монету, то неминуемо несли бы убытки до 30¹/₂ турецких пара на 100 драхм металла, не говоря уже о других расходах, с которыми сопряжено изготовление монеты. Ввиду такого положения вещей откупщики пробовали выпускать монету похожую, по составу металла; на ту, которая наиболее ценится народом, но это не принесло им никаких существенных выгод и продолжалось недолго.

Бешлики, выпущенные в обращение со времени царствования Аджи-Семил-Гирея-Хана до Селим-Гирея-Хана, предшественника нынешнего, были сделаны из чрезвычайно чистого металла: в них было почти на половину серебра. Хан сделал распоряжение, чтобы все его подданные, у которых имелись бешлики прежнего чекана в размере до турецкого мешка или 500 пиастров из бешликов, обратили их в новую монету и в этих видах разрешил откупщикам принимать все старые бешлики, выбитые при его предшественниках, за промен 2 на 100. Откупщики, перечеканивая старые бешлики в новую монету, прибавляли к ним соответствующее количество меди, сообразно процентному отношению существующей пробы, и, таким образом, извлекали для себя значительные выгоды. Но так как старые бешлики скоро истощились, то изготовление новой монеты более не производилось и производиться не будет, если хан не решится изменить пробу

своих монет, сообразно пробе константинопольских пиастров или, если редкость бешликов не понизит, наконец, ценность константинопольских пиастров до установившейся ныне стоимости бешлика, что неизбежно должно случиться, потому что спекулянты, которые заметили, что действительная ценность бешлика выше его курсовой стоимости, постоянно препровождают их в Константинополь, где и продают с значительной выгодой, несмотря на угрожающую им за это казнь через повешение. Контрабанда эта делает наконец бешлики настолько редкими, что турецкий пиастр непременно понизится до размеров, при которых ханская монета снова пойдет в обращение без убытка для откупщиков. Откупщики: несколько раз просили хана, чтобы им позволено было изменить пробу бешлика или установить ценность монеты пропорционально турецкому пиастру; но хан на это не согласился. (Пейсонель, том II, стр. 294 — 299).

Вес и мера.

В Крыму и Турции вес и меры одинаковы. Кинталь (очевидно, кантар) равняется 44 ока или 135 ливрам (фунтам) и 4 французским унциям. Батман равняется 6 ска или 18 фунтам и 12 французским унциям. Око равняется 400 драмм (диргем) или 3 фунтам и 2 франц. унциям; (в франц. фунте 16 унций; око равняется 3 фунтам русск.). Меры различны, смотря по видам товаров: сукна, шелковые материи и шерстяные всех видов продаются на турецкий пик (турецкая мера в 25 дюймов), имеющий две различные величины, именно: галеби для сукна и шерстяных материй и эндазе, который немного короче галеби, для шелковых материй. Все холщевые товары продаются на крымский пик, немного длиннее турецкого; пик заключает в себе около 4 пан (полотниц), равных 36 большим пальцам королевской (?) ноги (дюймам); три крымских пика составляют 4 галеби константинопольских.

Все зерна продаются на крымский кило, исключая риса, продаваемого на вес, и кило которого только номинальное. Крымский кило, содержащий в себе 10 ок, не одинаков в различных местах: в Бахчисарае он состоит из 88 ок, заключающих в себе 4 кило турецких, по 22 ока в каждом; в Геслеве — только 85 ок, в Карасу — 90 ок и в Перекопе доходит до 120 ок. Весы и меры турецкие получают из Константинополя с клеймом турецкого султана. Хан кладет свое клеймо только на те весы (гири) и меры, которые принадлежат исключительно его государствам, как например, крымские кило и пики. В Крыму существует особый чиновник, называемый муртасиб, имеющий назначение ежемесячно производить осмотр весов и мер. Он взыскивает по 500 аспров штрафа с тех, которые уличены в лихоимстве, и наказывает их 39 ударами палки по пятам. Ежегодно от доходов своей должности муртасиб должен представлять хану 1500 пиастров из бешликов, предназначенных на покупку метел и кувшинов для дворца хана. (Пейсонель, часть I, стр. 202 — 203).

Ввозная торговля Крыма.

Головные уборы. (Tagroches). Женщины Крыма украшают голову суконным колпаком, который подвязывают платком из кисеи различных цветов, называемым «tchembert». Эти tagroches (головные уборы) привозят готовыми из Константинополя и продают по 10—20 пара (монета равная 2 коп.) за штуку. Много покупают их ногайцы и весьма большое количество отправляют потом в Тамань и Черкесию (прим. 1). Ежегодно расходуется этих колпаков от 150 до 200 тысяч. (Пейсонель, часть I, стр. 56).

Нитки для шитья. В этой главе, между прочим, сказано: Большая партия ниток для шитья отправляется к ногайцам и в Черкесию. В Крыму нитки получают из Константинополя, Синопа и Трапезонда. (П., ч. I, стр. 72).

Свинец. Ежегодно около 3000 центнеров (центнер равняется 100 фун.) свинца вывозится из Крыма в Черкесию (прим. 2); ружейные пули и отвесы для сетей суть единственные предметы, на которые употребляется этот металл; он продается по 13—14 пара за око. (П., ч. I, стр. 83).

Ладана отправляется в Тамань и Черкесию (прим. 3) от 50 до 60 фард (fardes); каждая фарда равняется 400 ок. (П., ч. I, стр. 86).

Мыла вывозится в Тамань и Черкесию (прим. 4) столько же, сколько и к русским, т. е. от 500 до 600 центнеров; цена его 13—14 пара. (П., ч. I, стр. 86).

Сушеные плоды. Крым, получая инжир из Смирны, обильно снабжает им Черкесию. В Тамани инжир получается из Кафы. (П., ч. I, стр. 92—94).

Притиранья. Ежегодно в Черкесию (прим. 5) отправляется от 5 до 6 сот ок белил и румян; последние известны под названием «kirchen»; и те, и другие притиранья продаются безразлично по 2 пара за драхму; 1 ока равняется 400 драхм. Употребляют эти притиранья только магометанские женщины. (П., ч. I, стр. 103).

Курительные трубки. Ногайцы и черкесы потребляют огромное количество трубок; большую часть их привозят из Молдавии, в Крыму продается их свыше 200 тысяч, ценою от 1 до 10 пара за штуку. (П., ч. I, стр. 110).

Германские косы составляют один из наиболее важных предметов торговли Крыма; они идут по Дунаю в Валахию и оттуда перевозятся морем и сушею; ежегодно их получается более 200 тысяч; много кос покупается ногайцами, которые отправляют довольно значительное количество в Черкесию (прим. 6), через Тамань; цена 15—20 пара за штуку (П., ч. I, стр. 111).

Бумага. Оконные рамы во всех домах Крыма заклеиваются бумагою. Потребление бумаги довольно значительно. Из Крыма отправляют и в Тамань. Оптовая цена бумаги 28 пиастров за баллон, розничная 50 пара за раму. (П., ч. I, стр. 111—112).

Отпускная торговля Крыма.

Сафьян и разные кожи. Красный, желтый, черный и белый сафьян стоят 50—60 пара за штуку, смотря по качеству. Желтые, красные и черные кожи потребляются на месте (т. е. в Крыму); большое количество их отправляется также и в Тамань для Черкесии: 20000 тура овечьих кож,

называемых «*teschin*», а по французски «*bazanes*», окрашенных в желтый цвет, 10000 тура красных, 5000 тура черных и 20000 белых. Крым потребляет громадное количество этих кож для седел, много их идет также и в Черкесию (прим. 7). Цена 20—25 пара за штуку. Кожа, известная под именем «*keusselis*», по французски «*vaches lisses*» (вероятно, козел) употребляется для покрывки седельных ленчиков; цена этой кожи от 50 пара до 3 пиастров; отправляется она и в Тамань. (П. ч. I, стр. 127—128).

Воск. На всем Крымском полуострове производится 7—8 тысяч ок воска. Из Черкесии в Каффу через Тамань вывозится ежегодно 50—60 тысяч ок воска (прим. 8). Обыкновенная цена его в Крыму 38—40 пара за око. Черкесский воск продается в Каффе почти по той же цене. В 1757 году его продавали, однако, по 42 пара, потому что цена на него в Константинополе была возвышена, а спрос на него увеличился (П. ч. I, стр. 139—140).

Ножи. Татарские ножи отличаются хорошей закалкой и имеют весьма удобную форму. Они известны всему миру и отправляются между прочим и в Черкесию. (П., ч. I, стр. 143—144).

Седла. Татарские седла очень удобны, весьма легки и дешевы. Некоторая часть их из Крыма ежегодно вывозится в Черкесию. (П., ч. I, стр. 148).

Рабы. Торговля рабами в Крыму очень обширна; порабощаемые принадлежат к четырем различным национальностям: черкесской, грузинской, калмыцкой и абхазской (*les Abazes*). Требуются больше всего черкесы (прим. 9). Женщины этой страны (Черкесии) самые красивые и пленительные из всех, какие только могут быть в мире. Очаровательность их фигуры и естественность грации приводят в восторг. Мужчины почти все рослые и хорошо сложены. Черкесские женщины одни только разделяют ложе с турецким султаном и татарскими князьями. Крымские вельможи имеют наложницами только черкешенок. Примесь этой прекрасной крови много способствовала смягчению безобразия татарского типа и, наконец, совсем искоренила эти истинные подобия обезьян, напоминающие китайцев своими маленькими узкими глазами, сплюснутыми носами, замечаемыми еще у всех ногайцев, не смешавшихся с черкешенками. Грузины составляют второй класс рабов; женщины их красивы, но толсты и не грациозны. Они не обладают такою деликатностью, какая свойственна черкешенкам. Мужчины крепки и здоровы. Турецкие султаны некогда брали в жены как грузинок, так и черкешенок; но, рассказывают, что один султан, проведя ночь с грузинкой, спросил ее, светает-ли; она ответила, что до утра не далеко, потому что она чувствовала потребность, которая всегда являлась у нее к утру в один и тот же час. Султан, рассерженный неприличием такого ответа, тотчас же прогнал ее. Несколько дней спустя, он предложил тот же самый вопрос черкешенке, которая заняла место грузинки, лишенной милости. Черкешенка ответила, что заря наступила, так как она чувствовала уже, что утренний зефир развеивал ее волосы. Великий монарх был так удовлетворен этим ответом, что поклялся, что, как у него самого, так и у его наследников, будут допускаться к ложу только черкешенки.

Калмыки имеют такой же вид, как и ногайцы: плоское лицо, крайне выдающиеся скулы, маленькие и узкие глаза, приплюснутый нос и много походят на китайцев.

Абазы (Abazes) чрезвычайно походят на грузин.

Черкесы платят дань татарскому хану определенным числом рабов, которых этот властелин посылает в Константинополь султану и офицерам Порты. Султан награждает этими рабами окружающих его лиц и турецких офицеров, являющихся ко двору с поручениями от оттоманского министра.

Крымские купцы отправляются в Черкесию, Грузию, к калмыкам и абазам для приобретения рабов в обмен за привозимые ими товары и увозят их в Каффу (нынешняя Феодосия) для продажи. Оттуда они расходятся в другие города Крыма.

Константинопольские купцы и других мест Анатолии и Румелии приезжают за рабами в Каффу. Каждый год много покупает их также и крымский хан, независимо от тех, которых он получает от черкесов в виде дани. Он сохраняет за собою право выбора и, когда привозится партия рабов, никто не может купить их, пока хан не будет удовлетворен.

Рабы представляют собою товар, цену которого определить невозможно, между ними встречаются люди всех возрастов, начиная с детского до самого дряхлого. Различные цели, для которых они предназначаются, пол, красота, возраст, стройность, способности, физическая сила, состояние здоровья, играют очень важную роль при определении стоимости рабов. Но вообще ценность их колеблется от 60 до 5—6 тысяч пиастров. Нужно заметить, что христианам и евреям, какой бы национальности они ни были, запрещено покупать рабов черкесов и абазов, потому что они считаются магометанами. (П., ч. I, стр. 177).

Лошади и верблюды. Вывоз из Крыма лошадей и верблюдов строго воспрещен; однако, при посредстве ханских ферманов (разрешений), добиться которых очень трудно, каждый год вывозят около 300 заводских лошадей и 200 верблюдов, отправляемых в Трапезонд, Анатолию, Черкесию и к калмыкам. Черкесы (прим. 10) приобретают только кобыл. (П., ч. I, стр. 181—182).

Страна ногайцев.

Ногайцы занимают ту часть Малой Татарии, которая ограничивается р. Дунаем с одной стороны и р. Кубанью с другой; они разделены на 4 большие орды: Буджакская, занимающая пространство от р. Дуная до Днестра, Эдисанская — от р. Днестра до Борисфена, Джембулукская — от р. Борисфена до Азова и Кубанская, занимающая всю страну, расположенную между Азовским морем и р. Кубанью. Каждая орда разделена на несколько племен, а племена на аулы, т. е. собрание известного числа кибиток в виде селений. Эдисанская орда состоит из пяти племен: Сарифу, Делигель, Березеп, Хаджидер и Сарияр. Джембулукская разделена на 5, именно: Дирд, Иали-гниц, Агадже, Котскаркумлар и Капылчак. Кубанская

заклучает в себе 4 племени: Эшетерек, Каплу, Лобата и Джиган (прим. 11). Буджакская тоже была разделена на 4 племени; но этого деления не существует со времени Бенгли-Гирея-хана, как будет объяснено ниже. Буджакския, Едисанская и Кубанская орды управляются каждая особым сераскиром, а Джембулукская — каймаканом. Я не могу прибавить ничего нового к тому, что сказано по этому поводу в главе моей книги о высших должностях в государстве. Земли каждой орды разделены между племенами, территории которых определяются известными границами, но частные лица вовсе не имеют собственной земли. Каждое племя кочует по своей территории и только во время зимы имеет постоянное обиталище. Для этой цели выбирается обыкновенный пункт, наиболее защищенный от неблагоприятных климатических влияний и суровости зимы. Когда наступает время посева хлебов и появляется трава для пастьбы скота, аулы покидают зимние стоянки и идут кочевать, отыскивая удобные места для посевов; надобно заметить, что ногайцы почти никогда не обрабатывают два года подряд одни и те же земли. При выходе на кочевье, в летних становищах, мирза, глава аула, распределяет между подвластными ему людьми землю, межевание которой производится веревкой. Затем каждый огораживает отведенное ему заимье плетнем или же обозначает его какими либо видными знаками. Все ногайские орды платят, как это уже было говорено выше, известные подати своему сераскиру. Кроме того они обязаны давать им еще десятую часть урожая зерен. Но Едисанская орда взамен зерна натурой вносила прежде ежегодно крымскому хану по 12000 пиастров, но теперь турецкий султан сам получает этот доход. Уступка эта сделана Порте из личного побуждения крымского хана Селим-Гирея. Означенный сбор идет на уплату *Seymens*. Десятая доля урожая, получаемая крымским ханом с Джембулукской орды поступает на содержание почт, а десятая с Кубанской орды идет в пользу сераскира.

Ногайцы делятся, как и жители Крыма, на свободных, знатных, вольноотпущенных и рабов. Хотя все знатные фамилии претендуют на равную древность и считают себя потомками завоевателей страны, но в каждой ногайской орде есть, однако, семейства более замечательные, пользующиеся уважением и множеством привилегий. В каждой орде имеется бат-мирза или глава знати, обыкновенно старший из дворян первой фамилии; все прочие знатные фамилии подчиняются и питают к нему редкое почтение. Резиденция бат-мирзы находится всегда в его собственном ауле; в своей орде он имеет такое же значение, как бей в 5 больших фамилиях Крыма. Сераскир обязан призывать его к своему дивану, где бат-мирза занимает первое место и без его согласия и участия сераскир не может налагать взысканий на мирз и не имеет права собирать войско, так как влияние бат-мирзы распространяется на весь строй внутреннего управления орды. Он же является сборщиком всех податей сераскира, вместе с которым и устанавливает их. Каждый аул имеет также своего бат-мирзу, стоящего во главе аульного общества и принадлежащего к старейшей и знатной фамилии аула: он подчиняется бат-мирзе орды. Ногайские

дворяне совсем не имеют земельной собственности; возделывать землю для полей и пользы у них считается стыдом; имущество их заключается в рабах и стадах рогатого скота и лошадей. Они вовсе не берут десятой доли с подвластных им людей, как крымские дворяне, и налог этот идет в пользу хана или сераскира; точно также не получают они годати от задельной платы. Мирза, глава аула, требует только с своего аула годового оброка, состоящего из двух быков, десяти баранов, десяти ок *seuk* или жареного проса, десяти ок *talkan* или того же проса, обращенного в муку, десяти *caurds* — круги из кислого молока, высушенного на солнце и сделанного в форме круглого мыла (сыр), которое ногайцы разводят в воде из чего образуется очень питательное питье; кроме этого есть еще один налог в виде ока масла с каждой кибитки. Те мирзы, которые не имеют своих аулов, живут на средства главы их семейства; последние уделяют им из своих доходов то, что необходимо для поддержания их существования.

Все ногайцы обязаны воинскою повинностью и должны следовать на войну за главой своего аула. Набор войск совершается у них почти тем же порядком, как и в Крыму. Хан, по определениям тайного совета, посылает свои приказания сераскирам, последние собирают частные советы, в которые приглашают бат-мирз своих орд и других главных дворян и при совместном обсуждении принимают необходимые меры для исполнения ханских повелений. Ногайцы выставляют обыкновенно гораздо более войска, чем от них требуют. Когда же предпринимается война против христиан, то выступают в поход все способные носить оружие. Но при этом, по взаимному соглашению между собою, жители каждого аула оставляют известное число людей, которым вверяется забота об имуществе и семействах воинов, уходящих в поход. Остающиеся принимают на себя возлагаемые на них обществом обязанности под условием получения соответствующей доли добычи, наравне с теми, которые находились в числе еражавшихся. Условие это, по возвращении с войны, выполняется всегда с безукоризненною добросовестностью. Знатные фамилии ногайцев не образуют отдельной строевой части, как в войсках Крыма, но войска каждой орды разделяются на известное число байраков, т. е. более или менее значительных, но неравномерных по количеству людей, боевых частей или дружин. Все знамена этих дружин одинаковой формы и носят на себе знак важнейшей фамилии орды, с тою только разницею, что байрак, предводительствуемый бат-мирзой, имеет большое знамя, а другие — малые знамена или штандарты. Ногайцы Буджакской орды некогда были разделены на несколько кочующих племен, как и три прочие орды, но Бенгли-Гирей-хан сделал их оседлыми, принудив покинуть кибитки и построить себе дома; их мирзам даны во владение земли и вообще Буджакская орда поставлена почти в такое же положение, как и Крым. Дворяне этой орды берут теперь десятую долю зерен, имеют право получения задельной подати от своих подвластных и пользуются почти теми же привилегиями, как и дворяне Крымского полуострова. (П., ч. II, стр. 300 — 309).

О высших должностях в государстве.

В Крыму существует шесть высших должностей, именно: калга нурредин, ор-бей и три сераскира или начальника ногайцев. После калги нурредина и ор-бея, по степени своего значения в управлении страной, следуют сераскиры или начальники ногайских орд: Буджакской, Эдисанской и Кубанской. Являя собою вице-ханов этих провинций, во время войны они командуют войсками своих округов по повелениям хана или главного начальника армии. Сераскиры имеют своих визерей, дефтердарей, диван-эффендиев, судей и, вообще, свой двор такой же как двор Крымского хана; они держат постоянно свой диван и постановляют окончательные приговоры по делам гражданским и уголовным простого класса народа. Мирзы могут представлять гражданские иски на разбирательство дивана Крымского хана; но по проступкам общественным и по делам уголовным они подлежат, как и все прочие классы народа, юрисдикции сераскира, который безапелляционно приговаривает виновных к смерти. Доходы Буджакского сераскира состоят из ежегодного сбора по одному пиастру с каждой семьи подчиненной ему орды и по одному барану; кроме того орда обязана дать ему 500 быков, когда сераскир вступает в должность. Сераскир Эдисанской орды получает по одному пиастру и барану с каждого мирзы, главы аула, или же с каждого аула и 300 быков при вступлении в должность. Кубанский сераскир обеспечен лучше всех: он берет десятую долю урожая зерен в своей орде, по одному барану с каждой кибитки и 800 быков при назначении сераскиром. Селение Каплу на Кубани (прим. 12) определено ему резиденцией, но он почти никогда не живет там и обыкновенно остается в своем ауле. Джембулукская орда вовсе не имеет сераскира: хан держит там каймакана. Когда в орде собирается войско, каймакан ведет его до места соединения армии и затем опять возвращается в свой округ; войска Джембулукской орды, не имея своего начальника, находятся под командой сераскира — главы армии, назначаемого ханом.

Торговля ногайцев.

Ногайцы, находящиеся в зависимости от татарского хана, разделены на 4 орды: Буджакскую (Boudgiak), Эдисанскую (Zedjan), Джембулукскую (Djiamboilouk) и Кубанскую (Couban). Желаящие ближе ознакомиться с состоянием ногайского народа могут обратиться к моим заметкам о Малой Татарии. Ногайцы народ кочевой; они не имеют ни городов, ни сел и живут в войлочных кибитках, которые перевозятся на телегах. Каждая орда разделена на кочевья или аулы, состоящие из известного числа семейств. Все ногайцы имеют одни и те же нравы и обычаи, один и тот же образ жизни и, следовательно, одинаковые нужды, потребности и торговлю.

Ввозная торговля ногайцев.

Персидские ситцы всех цветов, но более всего требуются малинового цвета. Ситцы употребляются преимущественно на подкладки для шуб, на платья и татарские кафтаны, называемые (tchekmen) чекменами.

Астарский холст всех сортов идет для мужских и женских рубах и на подкладки.

Астары, окрашенные в красные цвета различных оттенков и называемые *banpak*, употребляются для женских рубах.

Полотно (*kèdis*) белое для рубах.

Грубые ситцы, из которых женщины делают себе кальсоны (штаны), кафтаны.

Льняные русские полотна, употребляемые женщинами на платки, называемые *tasfaraks*, а мужчинами — на пояса.

Tchemberts — kaim — hanè трех разных величин для платков, которыми повязываются женщины. *Beilik* употребляется ногайцами для защиты верхнего отверстия в кибитках с целью воспрепятствовать ветру загонять дым внутрь их жилого помещения.

Красные и желтые сандалы; красные служат для женских рубах. Тот и другой цвет употребляются также для поясов к большим мужским штанам, называемым шальварами.

Tagroches идет для головного женского убора.

Сафьян и кожи разных цветов употребляются на изготовление лошадиной сбруи.

Мужские сапоги желтые, красные и черные; желтые сапожки для женщин.

Katirs или обувь в форме башмака, красные и черные, мужские и женские.

Кожанные подошвы в готовом виде для обуви.

Шелк в нитках для шитья.

Шелк для вышивания.

Шнурки шелковые и нитяные для обшивания одежды.

Нитки фальшивого золота и частью из настоящего, которые употребляются для вышивания рубах, чепраков на седла и для других надобностей.

Прядева бумажные для подкладывания в шапки и кафтаны. Белые и цветные бумажные нитки самых грубых сортов идут для выделки вышитых аграмантов на кибитках и на тесьмы, из которых ногайцы делают пояса для подвязывания штанов.

Нитки для шитья всех сортов.

Железо в полосах, которое служит им для выделки гвоздей, всех железных принадлежностей к телегам, колец на сбрую, подковок на сапоги, ботинки и *hatir*, сошников у плуга и других земледельческих орудий и т. д.

Железные котлы разных сортов и величин.

Стремена и удила.

Ртуть, которую ногайцы употребляют для избавления себя от червя (?).

Kèpas для чистки волос и окрашивания ногтей у женщин.

Румяна и белила, употребляемые женщинами в очень большом количестве.

Иголки разных сортов.

Много буксовых и роговых гребней.

Несколько видов мелочных железных и медных изделий, перечисленных в отделе о Крыме.

Медные гвозди на подобие неграненого драгоценного камня, которыми пользуются наши обойщики и которые татары употребляют для обивки седел.

Табак из Дубассор и России; другие сорта табака у ногайцев не имеют спроса.

Весьма много чубуков для трубок самых простых орехового дерева.

Сухие плоды, именно: фиги, называемые *taban-indjiri*, черные анатолийские финики, орехи и орешки.

Лес для постройки телег и кибиток. (П., ч. I, стр. 325—335).

Вывозная торговля ногайцев.

Вывозная торговля ногайцев достигает весьма значительных размеров и, главным образом, состоит из следующих предметов:

Немытой шерсти такого качества, как и крымская.

Telekmen совсем готовые и в кусках; я говорил об этом предмете в отделе о торговле Черкесии.

Шерстяные широкие ремни (подпруги) разных цветов для седел.

Бычачьи, лошадиные и бараньи кожи; буйволиных там нет совсем.

Ремни разных сортов и величин.

Быки, овцы и лошади.

Kakatches или бараны, разрубленные пополам, просоленные и высушенные на солнце; этот продукт имеет огромный спрос и употребляется в большом количестве (прим. 12).

Кислое коровье и овечье молоко, называемое *katik*, которое расходуется по всем владениям хана.

Кобылье окислившееся молоко, называемое *kimiz*, питье это кажется на первый раз довольно неприятным, но без него нельзя обойтись, когда к нему привыкнешь; оно очень питательно и здорово; к тому же располагает к веселости и производит сильное опьянение, когда его употребляют в излишестве; но это не опасно. Его очень ценят повсеместно в Татарии (прим. 13).

Масло лучшего достоинства, называемое *tchitchek-iadhi*, очень ценное. Сало. Кожи *gueudjen* (каменная куница). Пшеница, ячмень и просо.

Ногайцы вовсе не едят хлеба; они питаются говядиной, просом, приготовленным на разные манеры, и молочными кушаньями. Поэтому они продают весь хлеб и ячмень, какой у них есть.

Seuk и *talkan*—различные приготовления проса, очень употребительные у татар.

Ногайцы не имеют непосредственных торговых сношений с иностранцами, но торгуют только с ближайшими к их кочевьям городами крымского государства. Буджакская орда ведет торговлю с городами Аккерманом, *Kawchan*, Кили и Исмаилом; Едисанская—с Бендерами и Очаковым; Джембулукская—с Очаковым и Перекопом; Кубанская—с Таманью и Каплу.

Странствующие купцы, называемые kirdjis, о которых упомянуто в главе о Крыме, привозят в кочевья ногайцев необходимые им товары и увозят продукты местного производства. Кроме того ногайцы сами доставляют на рынки в ближайшие города свои произведения и запасаются теми, в которых нуждаются. Торговля с ними очень выгодна; но невозможно установить какие либо определенные цены на привозные и вывозные товары, так как торговля у ногайцев очень редко ведется на наличные деньги, но большею частью на обмен. Таким образом выгода обмена собственно и определяет цену товаров. Крымские кирджи, долгое время занимавшиеся меновой торговлею с ногайцами, передавали мне, что они получали около 30% прибыли на сто как по ввозу, так и по вывозу, применительно к ценам Крыма. Монета у ногайцев распространена в ограниченном размере и преимущественно крымская. Турецкая там мало известна. Только богатые мирзы собирают ее и прячут, так как обстановка их жизни не дает им никакой возможности тратить деньги. (П., ч. I, стр. 325—335).

Страна черкесов.

Черкесы должны быть рассматриваемы скорее как данники, нежели как подданные Крымского хана. Некоторые ханы делали страшные усилия, чтобы покорить совершенно эти народы, подчинить их тем же законам, какие существуют в Крыму и особенно принудить их к военной службе. Но усилия эти остались безуспешными. Хан не имеет никакого дохода с своих земель и подданных в Черкесии. Только при вступлении на престол они платят ему дань, которая состояла сперва из 300 рабов. Но хан Селим-Гирей довольно оригинальной хитростью возвысил ее до 700 рабов. Когда депутаты от черкесского народа прибыли в Крым, хан приказал призвать беев главных племен, осыпал их любезностями и отпустил обремененных подарками. Несколько времени спустя хан пригласил их снова. Ласковый прием, оказанный черкесам в первый раз, привлек на вторичное приглашение хана довольно многочисленное общество представителей черкесского народа, по прибытии которых в Крым, хан приказал тотчас-же заковать их и освободил тогда только, когда они распорядились высылкой и представили требуемое ханом число рабов. Притеснения, которым подвергались в разные времена от крымских ханов кабардинцы, принудили их сделаться сперва независимыми, а потом отдаться под покровительство России. Хан не имеет права набирать войска из черкесов, но когда предпринимает войну, то просит у беев известное число людей в виде помощи. Удовлетворение таких просьб вполне зависит от степени того влияния и расположения, какими пользуется хан в черкесском народе.

Татарская Черкесия простирается ныне от Босфора Киммерийского или пролива Еникольского до Кабарды включительно; она ограничена на севере—Кубанскими ногайцами, на юге—Абазинцами и Кавказским хребтом, на востоке—Кабардой и на западе—Черным морем. Черкесы, находящиеся в зависимости от хана, разделены на 14 кобле или племен. Каждое племя делится на чагары. Чагар—собрание 10 семейств. Черкесский

народ разделяется на четыре класса: беи (князья), сипаги, уздени и кулы. В каждом племени существует господствующая фамилия, которая владеет, на правах государя, всеми землями племени и распоряжается там деспотически. Каждое из этих семейств имеет первого бея (князя), т. е. старшего представителя фамилии или главу его. — Главенство в данном случае достигается возрастом. Точно такие же старейшины существуют и в других семействах, принадлежащих к той же фамилии, но все они подчиняются главному. Все эти беи делят между собой земли и подданных людей. На долю главного бея достается всегда самое большое число чагар; другие распределяют между собою остальное. (Преобладающее большинство черкесского народа суть слуги и рабы своих дворян, которые могут завладеть их имуществом, умерщвлять их, продавать или отдавать кому вздумается.) Однако, есть между ними два класса свободных людей — сипаги и уздени. (Сипаги это есть ничто иное, как бывшие кулы, захваченные на войне или проданные своими беями, но получившие затем свободу и возвратившиеся на родину. Как они сами, так и все их потомки, представляют собою свободный класс людей, и если имеют достаточно средств, то могут приобретать имущества и покупать чагар, почему нередко становятся потом наравне с беями. Уздени — это вольноотпущенные, получившие от своих беев свободу в награду за какую-нибудь услугу. Они вместе с потомством пользуются такими же привилегиями, как и сипаги. Кулы — безправные рабы (прим. 14).)

Черкесские беи и племена находятся в постоянной вражде между собою и, с целью захвата рабов, производят набеги, причем все захваченное считается законной добычей и не требуется назад. Но, если нападающий имел несчастье быть пойманным, все люди находившиеся с ним, становятся рабами. Не удерживается один только бей и подвергшийся нападению довольствуется тем лишь, что, отпуская захваченного бея, отрезывает предварительно уши и хвост его лошади. (Это единственное мщение, допускаемое в подобных случаях. Сыновья беев не изъяты от рабства; раз они были захвачены и проданы, они уже утрачивают права дворянства и не могут быть более беями. Но, если, получив свободу, они снова возвращаются к себе, в таком случае делаются сипагами и не должны считаться дворянами.) Беи продают своих дочерей, если они уличены будут в каком бы то ни было поступке, противном стыдливости; точно также продают они и своих сыновей, когда те совершат какое либо тяжкое преступление, признанное заслуживающим подобного наказания.

Беи, знатные люди и сипаги одни только могут носить оружие и иметь его у себя; подвластные им слуги лишены этого права. Как только знатный черкес становится беем, первые его заботы направляются к тому, чтобы запастись достаточным количеством оружия для вооружения всех своих подданных. Собираясь на войну, все кулы, долженствующие следовать за беем, приходят к нему, снаряжают себя луками, стрелами, саблями, ружьями и пистолетами, а, по возвращении домой, отдают владельцу взятое ими оружие. Черкесы живут почти также как ногайцы; у них нет ни

городов, ни постоянных жилищ; они кочуют с места на место, не выходя, однако, из границ владений своего племени (прим. 15). Лето черкесы проводят обыкновенно на равнинах, а зимою возвращаются в горы. Не имея определенных земель для занятия сельским хозяйством, они возделывают те участки, которые покажутся им наиболее удобными для этой цели. Дома их имеют вид нор, вырытых в земле и покрытых листьями и стеблями. Племена Ада, Адеми, Бестени, Бусадиг и Кемиркеи единственные, у которых магометанство утвердилось более или менее прочно. Было бы трудно дать верное понятие о религии других племен: у одних сохранились остатки христианства, у других—следы идолопоклонства. В центре Черкесии находится знаменитое дерево, чтимое черкесами до поклонения. Дерево это называется Pangiassan. Очевидно слово это есть ни что иное, как испорченное греческое имя Panaghia, придаваемое, в более широком смысле, некоторым часовням и другим местам молитвы. По всей вероятности, такое именно место молитвы, во время греческих императоров, находилось около знаменитого дерева, имя которого однако-же не настолько искажено черкесами, чтобы нельзя было распознать настоящего происхождения его. Религиозные заблуждения, в которые впал простой класс черкесского народа, изменили существовавшее у них почитание божией матери в полное идолопоклонство, почему то смешиваемое им с магометанством.

Привосокупляю здесь сведения, считаемые мною точными, о черкесских племенах, находящихся в зависимости от Крымского хана. Сведения эти сообщены мне одним беим, с которым я имел случай познакомиться в Бахчисарае.

В приведенном ниже списке черкесские племена расположены в том самом географическом порядке, в каком они действительно размещены с востока на запад. Мушосты (Mouchocsi), Толаны (Tolanī), Джегуритц (Djeguritz), Егеркуой (Egherkouai), Бичун-Ауг (Bitchoune-Aoug), Илоу-Куадж (Iloou-Kouadje), Бибер Дукуадж (Biber-Doukouadje), Дударук (Doudarouk), Балхи (Balchi), Беселбаи (Beselbai), Сейди (Seidi), Шегераи (Chegherai), Беракаи (Berakai), Баг (Bagh), Онбеш (Onbech), Шаша (Chacha), Кемир-кеи (Kemir-Keui), Абезах (Abezache), Шапсик (Chapsik), Нелухачь (Neloukhatche), Шаххакеи (Chahhakei), Бузадиг (Bouzadig), Хаджукаи (Hadjoukai), Бертебаи (Bertebai), Бестенеи (Bestenei), Кешекене-Егеркуаи (Kichekené-Egherkouai), Януа (Джануа) (Janua), Алтыкесек-Абаза (Altikesek-Abaza), Ада (Ada). Шесть абазинских племен давно уже утвердились в Черкесии. *)

Все эти племена вместе, в случае надобности, легко могут выставить 100.000 воинов и даже гораздо более. Очень понятно поэтому насколько было бы полезно для Крымского хана всецело подчинить их себе и как велика была бы польза от черкесского народа, если бы хану удалось покорить их. (П., ч. II, стр. 310 — 318).

*) В распределении и наименовании черкесских племен, равно как и по отношению некоторых других сторон быта черкесского народа, описание Пейсонеля грешит извращением и неточностью передаваемых им фактов. В виду этого в конце приводимых здесь выдержек из книги Пейсонеля в примечании 15 сделаны мною некоторые указания относительно того, что нуждается в разъяснениях и поправках. Е. Ф.

Главные города Черкесии суть: Тамань, Темрюк, Ачу. (Atchou), Агджя, (Agdja), Суджук (Sooudjouck) и Каплу (Caplou) (прим. 16).

I. *Тамань* маленький город, расположенный на восточном берегу, Еникольского пролива; в нем насчитывается около 6.000 жителей, 12 мечетей, одна баня (bain) и около ста лавок. В Тамани есть озеро, вокруг которого рабы грузины, отпущенные на свободу, образовали квартал, именуемый грузинским. Имеется от 18 до 20 судов, принадлежащих этому городу, вместимостью 500—1000 центнеров; их называют «tombaz». Суда не могут зимовать на рейде и находят себе убежище в Керченском порте, в Крыму. Хотя город Тамань находится на территории хана, однако же он считается во владении черкесов. В Тамани имеется маленькая крепость, которая включена в число местностей, подчиненных Grand-Segneur (султану). В крепости насчитывается от 50 до 60 пушек. Султан содержит там небольшой гарнизон янычар и город управляется мусселимом, находящимся в подчинении Еникольского паши.

II. *Темрюк* — маленькая крепость, расположенная в 6 лье к северо-востоку от Тамани; в ней находится постоянный гарнизон янычар и числится около 2.000 жителей, 2 мечети, 12—15 лавок, 70—80 пушек. Berbezemip, в Азовском море, есть порт Темрюк. Порт плохой — суда могут входить в него только в тихую погоду.

III. *Ачу* — маленький форт с населением от 300 до 400 жителей, включая в это число и гарнизонных янычаров. Форт расположен на одном из устьев р. Кубани; укрепления деревянные, снабженные 26—30 пушками; рвы наполненные водой. Окрестности этого форта так болотисты, что делают это место абсолютно неприступным. В последнюю войну русские бесполезно осаждали его в течение 20 дней; причем во время осады убитых в форте было только 2 человека. Комары здесь так велики и в таком громадном количестве, что форт становится необитаемым. Ачу находится в 22 лье к северо-востоку от Тамани и управляется татарским беєм по назначению хана.

IV. *Agdja* — маленькая крепость, находящаяся в 20 лье к юго-востоку от Тамани; в ней насчитывается от 100 до 150 жителей и 10—12 пушек; крепость состоит под ведением татарского мирзы, назначаемого Кубанским сераскиром. Янычаров в ней нет и охрана ее возложена на местную милицию. Торговли не существует и все необходимое для жителей привозится из Тамани.

V. *Суджук* — маленький форт, расположенный на берегу Черного моря у границ Абазы. В нем имеется около 200 домов, 400 жителей и от 36 до 40 пушек. Гарнизон состоит из янычаров. Управление вверено татарскому бею, назначаемому Кубанским сераскиром. Здесь нет никакой торговли, все необходимое для существования жители получают из Тамани. В окрестностях производится небольшое количество хлеба, который «Migi» или казна покупает для гарнизона.

VI. *Caplou* — город в 22 лье от Тамани и 2 лье от реки Кубани, составляет резиденцию сераскира. В нем числится около 4.000 жителей, есть 2 мечети, 5 каравансараев и около 500 лавок; здесь нет таможни,

но с каждой повозки товара взимается определенная пошлина в пользу сераскира и местного мирзы. Всего взимается до 60 бешликов или 20 пара с повозки.

Карлоу — складочное место торговли Черкесии: купцы из Тамани, Каффы и других мест привозят туда товары для распространения их между черкесами и кубанскими ногайцами, а эти народы, в свою очередь, приезжают туда для продажи своих произведений.

Тамань — главное или лучше сказать единственное место транзита всей привозной и ввозной (отпускной) торговли Черкесии. Здесь складываются все товары, предназначенные для Черкесии и нагружаются все те, которые вывозятся из этой страны. Таким образом, привозная торговля Тамани, о которой я буду говорить ниже, представляет собою всю торговлю Черкесии.

Ввозная торговля Черкесии.

Четыре тюка сукна N. C. (Z. S.) и нисм по $2\frac{1}{4}$ — 3 пиастра за пик, равный 25 дюймам.

200 штук *coutnis de brousse*; 17 — 18 пиастров за штуку.

25 — 30 тысяч пик сандалу или легкой тафты *be scio*; 30 — 25 пара за пик.

50 тысяч штук простого ситцу различных сортов от $1\frac{1}{2}$ до 3 пиастров за штуку.

50 тысяч штук *bocasiins* различных цветов, исключая черного, не имеющего там сбыта, от $2\frac{1}{2}$ — 6 пиастров за штуку, смотря по качеству.

150 тысяч штук холста *d'Astar* всех видов от $1\frac{1}{2}$ — $2\frac{1}{4}$ пиастра за штуку.

1000 штук *dulbents* или кисей для вуалей женских; они бывают различных сортов; от 20 пара до 2 пиастров за карре (*le guaggé — carré*).

7 — 8 тысяч штук *tchembertskaim-hané*; 18 — 20 пара за карре.

3 — 4 тысячи фесок из Франции или Туниса; первые 50 — 60 пара, вторые $1\frac{3}{4}$ — 2 пиастра.

4 — 5 тысяч ок шелку цветного; до 3 пара за драхму.

Столько же шелку сырцового до 4 пара за драхму; первый идет на пояса к штанам, изготовляемым в большом количестве, второй употребляется для шитья.

Около ста ок шелковых шнурков.

3 — 4 сотни тюков *de coton en laine* самого простого, который продается до 1 пиастра за ок.

4 — 5 сот ок пряченной бумаги (*de coton filé*) белой, красной, синей, фиолетовой, качество которой определяет цену; красная и синяя продаются вообще до 2 пиастров за ок.

4 — 5 сот *kebes* или одеял *de Jamboli*; 2 — 7 пиастров без плиса и с плисом 3 — 9 пиастров за штуку.

200 — 300 *rechtmals-kirkalem* из Солонак; $2\frac{3}{4}$ — 3 пиастра за пик.

1000 — 500 *rechtmals* Каирских; 20 — 25 пара.

5 — 6 сот *hawlis* или купальных полотенец; 50 — 60 пара за штуку.

3—4 сотни поясов de Gerbé белых и красных, 50—60 пара за штуку.
2—3 тысячи ниток различных цветов для вышивания, от 50—60 пара за ок.

15—20 тюков серого полотна Каирского; 20—25 пара за ок.

В Тамани есть 12 красильных заведений, которые потребляют ежегодно около 1500 ок индиго и немного красильного дерева (de bois de teinture) различных пород; и тот, и другой предметы продаются с большой выгодой.

30—40 фард (фарда—100 окам) кофе Мокко; обыкновенная цена его до 3 пиастров за ок, а в неурожайные годы до 4. Французское кофе имеет большой спрос.

4—5 сот ок перцу, от $2\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ пиастров за ок.

2—3 сотни ок инбирю, из которого местные жители готовят очень крепкий напиток с медом; 25—30 пара за ок.

Немного тонких пряностей, мелкого бакалейного товару (épiceries fines), в особенности мускатого ореха, продаваемого по 3 пара за штуку.

5—6 сот ок олова с нашатырем; $2\frac{1}{2}$ пиастра за ок.

100 ок ртути; 1 пара за драхму, что составляет 10 пиастров за ок.

3000 центнеров свинца для ружейных пуль и сетей; 14—15 пара за ок.

2000 ок стали; 26—28 пара за ок.

2—3 тысячи центнеров железа в полосах; 8—10 пара за ок.

50—60 кип ладана; 70 пара за ок.

4—5 сот центнеров Смирнского мыла, которое продается 20—25 пара за ок; всё это количество потребляется в Тамани. Черкесы пользуются мылом, которое они сами готовят из бараньего сала.

5—6 сот souffes из Каира и Филипополя до 2 пиастров за кило.

2—3 сотни центнеров сухих фиг различных качеств.

200—300 центнеров черного винограда.

Много крупных и мелких орехов.

3—4 тысячи ок черной маслины; 7—8 пара за ок. Масла деревянного в Черкесию не привозят, потому что там едят коровье и *be la mantegne* и, кроме того, вытапливают рыбе.

5—6 сот центнеров *be pardenk*.

600 центнеров *pestimés*.

500 центнеров *pestil*.

4—5 тысяч ок табаку из Kirdjali; 25—30 пара за ок.

1000 ок русского табаку *onzoum—soda* и *maria bache*; 12—15 пара за ок.

100 кип *de képas*; 15—16 пара за ок.

2—3 сот ок красок для притирания лица, белил и румян, называемых «*kirchen*». Все черкешенки, абязки и женщины Кубанских ногайцев потребляют их в большом количестве. Как белила, так и румяна продаются по 2 пара за драхму.

1000 *touras* (в каждой *toura* 10 штук) сафьяну крымского, красного и желтого; первый—60 пара, второй—50 за штуку.

3000 тура *méchins* или кож (овечьих), окрашенных в красный, желтый и черный цвета; красные по 25, другие по 20 пара за штуку.

4—5 тысяч пар крымских сапог; красные 20, желтые 40—50, черные 60 пара за пару.

5000 пар katirs; красные по 25 пара и желтые по 30 за пару.

1000 сухих кож; 3—4 пиастра за штуку.

2—3 тысячи седельных ленчиков из Бахчисарая и Каффы; 30—40 пара за штуку.

2—3 тысячи пар тебеньков для седел; 30—40 пара.

3000 пар стремян из Бахчисарая и Акмечети (Симферополя); 20—30 пара.

3—4 тысячи лошадиных удил; 6—10 пара за штуку.

1000 ружейных стволов из Бахчисарая, качество которых устанавливает цену.

2000 луков различной ценности от 10 до 200 бешликов за штуку.

4000 наборов подков с гвоздями; до 20 пара за набор.

5—6 тысяч крымских ножей; 15—16 пара за штуку.

2000 пачек иголок; 30—60 пара за пачку, смотря по качеству.

1000 шуб из крымских курпеев; 8—9 пиастров.

1—1½ тысячи кож в обрезках для ружейных чехлов; 40 пара за штуку.

2—3 ящика мелочных железных и медных товаров различных видов.

1000 couffes de noix de pipes Константинопольских.

1—1½ тысячи гребней буксовых (пальмовых) или роговых; первые по 4, вторые по 2 пара за штуку.

Большое количество пороха из Каффы и Константинополя; худший продается по 20 пара за ок. Французский, когда его можно туда привезти, стоит до 60 пара, а английский совсем не имеет спроса.

20 кип бумаги (по 24 листа в кипе), которая продается в раздробь до 1 аспра ($\approx 1/3$ пара) за лист.

30—35 тысяч германских кос; по 20—25 пара за штуку.

2—3 сотни крымских лошадей.

Лес для постройки и дрова для топлива привозят в Тамань из Суджука, где они очень дешевы.

Вывозная торговля Черкесии.

80—100 тысяч центнеров шерсти. Половина этого количества доставляется из Черкесии, другая часть от Кубанских ногайцев. Шерсть отправляется в Тамань в повозках; оттуда идет в Каффу и Константинополь; вся она мытая. Река Кубань, протекающая по всей Черкесии, в этом отношении доставляет большие удобства. Шерсть довольно хорошего качества; четверть всего количества ее белого цвета; остальные три четверти — черного. Стрижка производится два раза в год: в мае и сентябре. Первая наиболее предпочтительна, потому что в эту пору года шерсть бывает длиннее. Кроме того количества, которое отправляется за границу, весьма много шерсти потребляется также на месте, в Черкесии, для приготовления чекменей (tchekmen). Шерсть в Тамани стоит около 3 пара за ок.

100 тысяч штук чекменей.*) Эта весьма грубая шерстяная ткань (род фланели или milton, мильтона), в очень большом употреблении во всей Татарию, даже в Турции. На заказ делается более тонкая ткань. Сын Абдул-Аги, главного казначея Крыма, носит из этой материи белое платье такого хорошего качества, что я принял материю за французское сукно и мне стоило большого труда заставить себя поверить, что в этой стране можно найти шерсть, пригодную для производства столь хороших сукон.

5 — 6 тысяч чекменей — особый род платья из тканей, о которых я только что говорил. Первый сорт продается по 10 — 11 пиастров за штуку, второй 4 — 5, третий от 60 пара до 2 пиастров за штуку. Чекмени бывают белые, серые и черные. Продаются они совершенно готовыми и отправляются в Крым, Молдавию, Польшу и в некоторые провинции Турции.

50 — 60 тысяч шальваров или штанов из чекменя, т.-е. материи трех различных сортов, от 20 пара до 3 пиастров за штуку.

200 тысяч плащей полстяных с длинными волосами, называемых у арэндjis**); они бывают трех сортов, ценою от 1 до 3 пиастров за штуку. Существует и четвертый или высший сорт плащей, но таких в продаже не существует и они изготовляются только по заказам знатных особ для личного их употребления или же для подарков. Эти последние плащи называются andi у арэндjis; они в большой цене, но из Черкесии вывозят их очень малое количество. Другие у арэндjis имеют сбыт в Крыму, Молдавии, Валахии, Польше, Московии и, отчасти, в Турции.

5 — 6 тысяч хороших сыромятных кож, которые весят от 25 до 30 ок. Весьма большое количество этих кож потребляется самими черкесами, кубанскими ногайцами на изготовление обуви, которая называется «tcharik». Продают кожи в Тамани до 3 пиастров за штуку.

5 — 6 центнеров превосходного меду, который привозится в Тамань на повозках, а в Ачу на судах, по Кубани. Цену его определить невозможно, потому что мед приобретается на месте только в обмен на другие предметы. Мед бывает чистый или же с воском, каким он извлекается из улья. Чистый продается в Тамани и в Ачу по 7 пара за ок. Купцы, приобретающие мед на месте из первых рук, производят иногда столь выгодный обмен, что один из них уверял меня, будто ок воска обошелся ему всего в 5 пара и в столь же соответствующей цене мед.

В Тамани сбывается также около 500 центнеров очень дешевого меду из Абазы, стоящего только 4 пара за ок. Этот мед дурного качества, производит сильное опьянение, почему и называется deli — bal или сумасшедший мед (miel — fol). Из него готовят напиток с pardenk: его смешивают также с напитком из проса, называемым boza, чтобы придать ему больше крепости.

*) Несомненно, что под словом tchekmen Пейсонель в данном случае разумеет не чекмень, как род платья, а шерстяную материю, или, вернее, сукно, из которой готовится эта одежда.

***) Очевидно здесь идет речь о бурках.

7—8 тысяч ок воску, большая часть которого привозится в Тамань и оттуда отправляется в Каффу и Константинополь; незначительная часть его доставляется также в Ачу, куда специально за покупкою этого продукта являются некоторые купцы, так как здесь воск дешевле, потому что в Ачу его привозят по реке с меньшими издержками, чем в Тамань, куда воск доставляется на колесах. Неочищенный воск в Тамани продается по 20 пара за ок и 30 пара за хорошо очищенный.

50 тысяч куньих шкур, называемых *zerdava*, 40—50 пара за штуку; из Тамани они идут в Каффу, где их готовят к отправке в Константинополь.

5 тысяч *sangsar* или белодушек (каменных куниц, *la jauine*), 25—30 пара за штуку.

100 тысяч шкур *tilki* или лисьих по 25—30 пара за штуку.

100 тысяч шкур *kougb* или волчьих; 50—60 пара за штуку.

3 тысячи шкур *aiu* или медвежьих, которые отправляются в *Bourgaz* и оттуда уже распространяются по Германии и Польше; их очень много в Тамани, где они продаются по 45—50 пара за штуку.

500 тысяч шкур овечьих; цена от 1 пара и выше за штуку.

Весь этот пушной товар доставляется в Тамань в сыром виде. Купцы сами должны выделывать его.

200 тысяч пар кабаньих (диких) клыков, из которых в Татарии делают ножи и рукоятки для ножей. Их привозят в Тамань из *Tcherkes-Kigman* по Танаису или Дону; они худшего качества, чем те, которые доставляются из Очаковской равнины (*de la plaine d'Okzakow*); клыки продаются по 2 пара за штуку.

200 тысяч пар бычачьих рогов по той же цене.

100 тысяч гросс стрел, по тридцати штук в гроссе; Черкесия снабжает ими татар и ногайцев. Существует 2 сорта стрел: одни из них, для изготовления которых употребляются перья птицы, называемой «*gudjugnen*», стоят от 3 до 4 пиастров за гросс; кроме мирз (*les mirzas*) и знатных особ, никто другой почти не употребляет их. Второй сорт делается из перьев вороньих и других хищных птиц; они стоят только 60 пара за гросс.

Рабы составляют один из главных предметов торговли Черкесии. Об этом говорено уже в главе о Крыме.

Черкесские лошади высоко ценятся; они рослые, хорошо сложены, сильны, быстрые на бегу и выносливые. Голова у них напоминает немного клюв ворона и, вообще, сами лошади походят на английских. Разведение известной породы сопряжено с большими затруднениями. Самые лучшие лошади считаются — Сулукские (*de Soulouk*) и Бакканские (*de Bekkan*). Из Черкесии вывозятся только мерины; на жеребцах и кобылах черкесы не ездят совсем. Для приплода имеются только жеребцы. В Крым доставляется из Черкесии много лошадей, высоко ценных татарами. За черкесских лошадей в Крыму платят до 200 пиастров; но есть и такие, за которые дают более 8 рабов.

Окрестности Ачу снабжают огромным количеством икры и сухой рыбы. Икра получается из осетров или белуги. Ежегодно из Ачу вывозят около 3 тысяч центнеров икры; отправляют ее в больших бочках в Каффу и Константинополь; на месте она продается по 7 пара за ок. Сушеной рыбы имеется 4 сорта: 1-й белуга, которую по длине разрезают на куски, называемые «tchilim»; затем их солят, сушат и на месте продают по 5 пара за штуку; в Каффу, Трапизонд и Константинополь отправляется ежегодно около 2000 центнеров белуги. 2-й сорт Suguk, которую также разрезают на куски более мелкие и продают таким же образом и по той же цене, как и белугу, но в большем количестве. 3-й сорт — сазан или карп; эта рыба распластывается, сушится непросоленной и продается по 10—12 пара за штуку; вывозится она в Батум, откуда уже распространяется по всей Турецкой Грузии, где продается по 2—3 пара за штуку*). Четвертый сорт — сула, приготовляемая таким же образом и продаваемая по той же цене, как и предыдущая; много ее вывозится в Грузию и Константинополь. Улов сазанов и сулы бывает иногда столь обильный, что не знают куда девать эту рыбу, вследствие чего она выбрасывается и гниет на берегу. Казаки, подданные хана, известные под именем «sarı tnad», производят рыбную ловлю в Ачу, начиная с мая до конца октября: в другие месяцы года она невозможна, потому что река Кубань бывает покрыта льдом. В день, когда начинается ловля, бей устраивает большой праздник. Ловля белуги производится аух раіаугрес... и другим довольно своеобразным способом: место, избранное в реке, огораживается ивовым плетнем, в котором устраивается дверь или вход, таким образом, чтобы рыба, вошедшая в ограду, не могла более выйти оттуда. Ловля карпов и сулы производится сетями.

Из Ачу вывозится также ежегодно 2—3 тысячи центнеров рыбьего жира, цена которого от 5 до 6 пара за ок. Ногайцы употребляют его в пищу, а татары для освещения.

Ко всему этому надо также присовокупить еще 100 центнеров рыбьего клею, который продается по 10—12 пара за ок.

В Тамани и в Каплу находятся в обращении только турецкие и крымские монеты. Внутри Черкесии деньги обращаются мало и торговля производится меновая. Некоторые купцы довольствуются продажей своих товаров в Тамани, где и приобретают продукты местного производства; другие отправляются в Каплу, а третьи, наконец, углубляются внутрь страны, берут переводчика, хорошо знающего язык и непосредственно ведут дело с черкесами; они развозят свои товары из селения в селение по всем племенам, а иногда направляются дальше и, изъездив всю Черкесию, доходят до Астрахани и до калмыков. Эти купцы, в сущности, только и наслаждаются выгодами торговли и получают огромные барыши.

Прикубанские ногайцы за покупкой необходимого и для продажи продуктов местного производства являются обыкновенно в Каплу; точно также поступают и некоторые племена черкесов.

*) Здесь в тексте должна быть опечатка, иначе выходит несообразность: в Тамани каждую ріесе (штуку) продают по 10—12 пара, а когда привозят в Грузию, то только по 2—3 пара за ту же ріесе (штуку).
Е. Ф.

Вывозная и привозная торговля прикубанских ногайцев составляет только часть торговли Черкесии и потому она включена в предыдущие отделы о вывозной и отпускной торговле Черкесии. Все товары отправляются и получают из Тамани в Каплу на телегах, запряженных верблюдами, лошадьми или быками; перевозка на верблюжьих повозках, поднимающих около 6—7 сот ок., производится только зимою и стоит 20 пиастров из бешликов; конные повозки поднимают от 5 до 6 сот ок и стоят 18 пиастров; тоже самое и воловь подводы. Для перевозки товаров из Каплу в глубь Черкесии употребляют конные и воловь повозки; верблюдов там нет.

Берег абазинцев.

Абазы принадлежат к числу народов, населяющих пространство между Черкесией и Грузией. Они разделяются, как черкесы, на несколько племен, управляемых своими беями. Между племенами ведется постоянная война. Религия абазинцев представляет собою смесь христианства с пантеизмом; тем не менее народ признает себя благочестивыми христианами. Порта назначает в эту страну своего бея, называемого беем абазинцев, который, однако, пользуется только титулом начальника без всякой власти. Резиденция бея находится в Сухуме. Главное начальство в этой местности принадлежит паше Черноморского побережья, но абазинцы не повинуются ни ему, ни турецкому бею, и лишь одна сила может привести их к покорности и повиновению. Кубанский сераскир делает иногда на них набеги, отбирая у них мелкий скот, лошадей и рабов. В этой стране имеется два главных порта—Сухум и Кодош.

Сухум—небольшой городок, расположенный в бухте, на берегу Черного моря, куда пристают суда всякого размера, но зимовать там не могут. В Сухуме есть две мечети, баня и числится около 3000 жителей; больших судов нет, но жители имеют около 20 маленьких, которые совершают рейсы по берегу моря. Бухта оберегается маленькой крепостью с четырьмя бастионами, вооруженными 50 пушками; гарнизон состоит из янычар под командою двухбунчужного паши.

Кодош—открытая бухта, не безопасная для стоянки больших судов; здесь нет ни города, ни деревни, но множество отдельных домов рассеяно на 3—4 мили в окружности. Там именно находится знаменитое дерево, называемое Кодош, которое абазинцы чтут так же, как черкесы почитают дерево *rangiassan*. Этимология слова Кодош происходит от еврейского слова Кодош, означающего *святой*, так же, как *rangiassan* происходит от греческого слова *panaghia*, имя, которое греки дают святой деве. В Кодоше находится самый большой рынок абазинцев.

Начиная от Суджука и до Анакрии, где кончается берег абазинцев, существует еще несколько других бухт, куда пристают большие суда для торговли с абазами, именно: Геленджик—лиман, Баскало, *Dziébo*, Дуба, Субаши, Варвире, Мамай, Джуджи, Хош, Эрделер, Кетшилер, Везюиле, Бетшевенд, Севре, Арджи, Тангир, и др. Все эти места обозначены на географической карте Черного моря, составленной моим отцом.

Ввозная торговля абазинцев.

Большие суда, отправляющиеся в Абазу, нагружаются обыкновенно солью, которая составляет в этой стране самый важный предмет торговли. Соль покупается преимущественно в Крыму, на солеварнях в Геслеве и Керчи, где можно нагружаться только по ханским фирманам. Сапа соли стоит от 4 до 6 пиастров. (Кебе равняется 100 сапам, сап = 80 кило, кило 17 — 18 ок).

Прочие суда доставляют к абазинцам вино, приобретаемое в Синопе, Триполи и некоторых других местах Анатолийского берега.

К числу прочих товаров, имеющих наибольший сбыт у абазинцев и которыми дополняется нагрузка судов, принадлежат следующие: сафьян и крашенные овечьи кожи красного, желтого и черного цветов из Константинополя и Крыма, мелкие железные и медные вещи, ружья и пистолеты, ятаганы, называемые кинжалами и другие, называемые *скамас*, персидские ситцы, астарские полотна, ситцы или окрашенные полотна и покрывала из Ямболи. Сухум — единственное место, где потребляют небольшое количество сукна, Скиоских материй, мыла и некоторых других предметов, которые продаются там в очень ограниченных размерах.

Вывозная торговля абазинцев.

Самый значительный предмет вывозной торговли абазинцев составляет буксовое дерево (пальма), которое приобретается в обмен на соль, вес на вес, так что груз соли дает груз букса. Поэтому, для успешного выполнения подобного рода операций, требуется очень большие суда, чтобы иметь возможность взять насколько возможно большее количество букса. Обмен на вино производится не на вес, а на особых условиях, вполне зависящих от обстоятельств. Из Абазы вывозится громадное количество воску, приобретаемого по очень выгодной и крайне низкой цене. Купцы, производившие эту торговлю и обогатившиеся на ней, уверяли меня, что не раз покупали мед ниже 20 пара за ок. Воск продается неочищенным и при очистке его около 20% на 100 идет на убыль.

У абазинцев имеется также для сбыта запасы различных мехов, именно: рыси, называемой вашак, куницы, каменной куницы и беличьи.

Можно было бы произвести весьма выгодную торговую операцию в этой стране, нагрузив возвращающиеся оттуда суда свиным салом и ветчиною. Свины в Абазии крайне дешевы, но для того, чтобы воспользоваться этим продуктом, необходимо отправить туда сведующих мастеров, умеющих солить и готовить свиное мясо в таком виде, чтобы можно было доставлять его оттуда в хорошем состоянии к христианским народам.

Торговля рабами также очень выгодна, потому что в Абазии цены на них очень низкие. Главный контингент рабов образуется из людей, попадающих к беям в плен во время междоусобиц и взаимных нападений, которые почти никогда не прекращаются в этой стране. Порода людей здесь гораздо хуже, чем в Черкесии и потому за раба абаза дают только половину того, что предлагается обыкновенно за рабов из Черкесии.

Определить с желаемой точностью цены ввозных и вывозных предметов нет никакой возможности, ибо здесь все продается на обмен. Я знаю только, что едва ли существует в целом мире страна, где торговля была бы настолько прибыльна, как в Абазии. О выгодности ее можно судить по буксу, продаваемому в Константинополе по 3 пиастра за центнер, между тем соль, в обмен на которую приобретается это дерево, стоит в Крыму не дороже 10 пара за центнер.

Суда, направляющиеся к берегам Абазии, должны получить на это разрешение Порты, что, впрочем, не представляет никаких затруднений. Во избежание опасностей, которым не редко подвергаются лица, производящие торговлю с Абазией, необходимо принимать много предосторожностей. Приставая к берегу, прежде всего следует обратиться к покровительству местного бея. Надобно добиться, чтобы он принял от вас хотя небольшой подарок и, заручившись, таким образом, расположением бея, можно считать себя совершенно обеспеченным от всяких неприятностей и обид не только со стороны его подданных но даже и соседних беев. Когда дела окончены и судно нагружено, следует выждать хорошего попутного ветра, чтобы быть уверенным в возможности быстро выйти в открытое море, по крайней мере на 10—12 миль, ибо соседние беи стоят на стороже и вооружают свои лодки, чтобы взять на abordаж и ограбить судно, уходящее с товаром. Ввиду такого рода обстоятельств для торговых операций с Абазией надобно выбирать большие хорошо вооруженные корабли и с надежным многочисленным экипажем; впрочем, больших судов требует и самый род торговли в этой стране, как уже говорено было выше. Если судно имело несчастье быть захваченным, то оно подвергается разграблению; а все находящиеся на нем люди обращаются в рабство. Абазы надевают козий мех на голову каждого пленника и ведут их в горы, чтобы они не могли найти потом дорогу, по которой пришли. Абазы заставляют пленников стеречь свиней, которых очень много в этой стране. Однако же избавиться от такого рабства не трудно. Сами абазы стараются получить выкуп за своих пленников и охотно предлагают их купцам, пристающим к берегам Абазии. Поэтому легко можно получить свободу за какуюнибудь сотню пиастров в товарах. Почти невозможно найти судно на фрахт для торговли с Абазией, вследствие этого плавание сюда производится отдельно, частными предпринимателями, по взаимному соглашению. В таких случаях поставщик товаров получает одну часть прибыли, хозяин судна другую, а третья идет экипажу; так обыкновенно делится всякая прибыль, за исключением издержек, которые всецело падают на поставщика товаров. Часть, причитающаяся экипажу, подразделяется следующим образом: рейс или хозяин имеет 3 части, кормчий — 2 части, письмоводитель — 2, хозяин шлюпки — 1½ и каждый матрос — 1. Путешествие к абазскому берегу совершается только раз в год; туда отправляются обыкновенно при открытии навигации на Черном море, т. е. в начале апреля и возвращаются оттуда в конце лета. (П., ч. II, стр. 1—12).

Примечания:

1. В настоящее время черкесские женщины носят небольшие суконные шапочки с плоским верхом, известные под именем «тытыр п'ао» т. е. татарские шапки. — По всей вероятности, это и есть те Тагроше, о которых говорит Пейсонель. Самое название «тытыр п'ао» показывает, что шапки эти заимствованы горцами от татар. Чисто национальный женский головной убор черкесских женщин составляет «дыше п'ао танчь» — высокий остроконечный суконный колпак, украшенный золотыми и серебряными галунами. Подобные-же шапки делаются и без галунов.

2. Добывание металлов вовсе не было известно горцам Закубанского края, поэтому они всегда пользовались привозными металлическими изделиями. По крайней мере, до сих пор нигде в горах не было найдено следов черкесской выплавки металлов и только в верховьях реки Белой, у подошвы горы Оштен, существуют развалины серебросвинцового завода, устроенного в 50-х годах польским эмисаром Лапинским, с разрешения Магомед-Амина, известного предводителя горских народов в последние годы войны на Западном Кавказе.

3. Столь значительное потребление ладона, 1800 пудов, не находит себе объяснения в бытовой обстановке черкесского народа. Христианская религия у Закубанских горцев в середине XVIII-го столетия была уже в полном упадке; христианских богослужений у них не совершалось и соблюдались лишь некоторые обряды православной религии, где потребление ладона ограничивалось весьма небольшим количеством. Во владениях Закубанских горцев число христиан было весьма незначительно. Кроме трех армянских аулов и двух селений некрасовцев, последователи православной религии в очень малом количестве могли еще проживать в Тамани и Каплу, главных торговых пунктах Черкесии. Насколько известно, для других каких либо надобностей ладон у горцев не употребляется.

4. Кроме привозного, горцы пользовались издавна и мылом собственного производства, которое называется у них в отличие от других «адиге сабын» т. е. адигское (черкесское) мыло.

5. Притирания у черкесских женщин употребляются изредка и в настоящее время.

6. Закубанские горцы не занимались производством металлических изделий и в этом отношении они стоят далеко ниже других Кавказских племен. Косы, земледельческие орудия, шашки, кинжалы и оружие и прочее они всегда получали от других народов. С 15 столетия главными поставщиками металлических вещей для горцев являлись турки и Крымские татары. Сближение с русскими несколько не способствовало развитию у них этого производства. — И до сих пор всякого рода металлические изделия горцы приобретают покупкой у русских.

7. Горцы умеют выделывать только бычачьи и лошадиные кожи для сыромятных ремней. Выделка-же сафьяна им совершенно неизвестна, хотя потребность его на обувь, седла, женские корсеты весьма значительна.

8. Если принять во внимание, что из каждого черкесского улья (сапетки) средним числом получается три фунта воску, то оказывается, что во времена Пейсонеля, т. е. в середине XVIII-го столетия, горцы имели 26000 ульев. — Цифру эту можно признать вполне достоверной, так как местные условия территории, принадлежавшей горцам, в высшей степени благоприятны для широкого развития пчеловодства, которое составляло у них одну из важнейших отраслей сельского промысла.

9. Торговля рабами, издавна существовавшая у западно-кавказских горцев, стала принимать более широкие размеры в середине XVI столетия, когда турки силою оружия приобрели себе господство на Черном море. — Торговля эта продолжалась до 60-х прошлого столетия и много способствовала установлению родственных связей кавказских горцев с наиболее богатыми и знатными турками, гаремы которых наполнялись красивейшими черкешенками. Взамен невольников турки доставляли горцам порох, оружие и разные товары и, вместе с тем, восстанавливали их против нас, противодействуя, таким образом, мероприятиям России, направленным к покорению Кавказа. Прекращению контрабандной торговли Турции с горскими племенами значительно содействовало крейсерство Черноморского флота по Кавказскому побережью и, затем, учреждение, так называемой, Черноморской береговой линии, состоявшей из ряда крепостей и укреплений, построенных русскими войсками на Кавказском берегу Черного моря в 1837—40 годах.

10. Надо полагать, что это относится к тем племенам западно-кавказских горцев, которые населяли побережье Черного моря. Собственно-же Закубанские горцы не нуждались в лошадях и всегда в избытке располагали прекрасными производителями и матками известной кабардинской породы лошадей.

11. Здесь Пейсонель впадает в ошибку, принимая географические названия за этнографические. Эшетрек—местность, прилегающая к Азовскому морю в границах нынешнего Ейского отдела. Каплу—город (смотри 22 стр.), где ныне находится Славянская станица, Темрюкского отдела, при реке Протоке. Лабата—река Лаба, приток реки Кубани, с левой стороны. Джиган—вероятно Джиганас, маленькая горная река, впадающая в реку Кубань с правой стороны около Еврейско-Джиганасского поселка, Баталпашинского отдела. Во всех этих местах, действительно во времена Пейсонеля кочевали ногайские орды, часть которых, на пространстве между низовьями реки Лабы и упраздненным Хумаринским укреплением, в верховьях реки Кубани, называлась по именам знатнейших их фамилий: ногайцы Тохтамышевские, Мансуровские, Наурузовские и Карамурзинские.

12. Каплу—Капыл, складочное место всей торговли Черкесии и Кубанских ногайцев. (стран. 22).

13. (Стран. 17). Подобный способ приготовления в пищу баранов практикуется и в настоящее время.

14. Очевидно здесь идет речь о кумысе, общеизвестном напитке, получившем в последнее время довольно обширное применение и в медицине.

15. В числе черкесских племен, помещенных в списке Пейсонеля, упоминаются такие, которых вовсе не существует, затем некоторые названия записаны в искаженном виде и, наконец, вместо названия племен приведены названия аулов. Неправильно также показано размещение горских племен на территории, принадлежавшей черкесскому народу и совершенно в извращенном виде представлено сословное деление этого народа и права каждого из них. Таких племен, как например: Толаны, Онбеш, Бичун-Ауг, Ада, Балхи и Джегуритц нет вовсе. В искаженном виде у Пейсонеля занесены: Мушости, вместо Махошш, или Махошевцы, жившие по левую сторону р. Лабы против Лабинской и Зассовской станиц и между средним течением р.р. Фарса и Уль; Бесельбай вместо Бешильбай, обитавшие в горах, на пространстве между верховьями р.р. Лабы и Кардоником; Беракай, вместо Баракай или Баракаевцы, которые населяли небольшую гористую часть Майкопского отдела между р.р. Губс и Ходз; Кемир-кей, вместо Кемгуй или Темиргоевцы, занимавшие треугольную площадь, образуемую впадением р. Лабы в р. Кубань; Шапсык, вместо Шапсугг, обитавших на пространстве между реками Адагумом и Афипсом; Нелухачь, вместо Нодткуаджь или Натухайцы, жившие по побережью Черного моря между низовьями р. Кубани и Пшадой, имея своей границей с востока р. Адагум; Шеххакеи, вместо Шегаки—одно из малочисленных племен, соединившихся с Натухайцами и утратившее свою самостоятельность; Бузадиг, вместо Бжедуг или Бжедухи, населявшие Прикубанскую низменность между р.р. Афипсом и Пшишем; Хаджукай, вместо Хатикуой или Хатукаевцы; Егеркуой и Кешкене—Егеркуой, вместо Егерукой, которые жили по левую сторону р. Лабы между р.р. Псенафо и Фарсом; определение Кешкине, т. е. малые, поставлено неуместно, потому что егерухаевское племя, ввиду его малочисленности, насколько мне известно, никогда не разделялось на больших и малых, как это, например, было у Шапсугов; Януа, вместо Жане, малочисленного племени, слившегося с Натухайцами в конце XVIII-го столетия. Бибер-Дукуадж, Илоу-Куадж, следует читать: Бибереды Куаджь, Лоу Куаджь или точнее, на абазинском наречии, Биберкт Локт т. е. Бибертов аул, Лоу аул. Эти две фамилии вместе с четырьмя другими—Дудоруко, Кечь, Джантемир и Трам, составляют особое племя Абхазского народа, называющиеся Абазинцами, Басхяг (на черкесском языке) или Алты-кесек т. е. шестиродные (на ногайском наречии). У Пейсонеля-же Биберд, Лоу, Дударуко и Алты-кесек-Абаза ошибочно показаны как отдельные племена. Затем мы находим у Пейсонеля племя Сейди, тогда как это есть название главенствующей фамилии Бешельбаевского племени—Сид-ипа т. е. Сиды сын; у русских фамилия эта преобразилась в Сидова. Шегерай—Шахгиревцы, обитавшие в верховьях р. Лабы. Беракай и Баг, Баракаевцы и Баговцы, населявшие гористую местность между верховьями р.р. Лабы и Белой. Абезах—Абадзехи, многочисленное и сильное племя, занимавшее горы и ущелья на пространстве между р. Псекупском и станицами Хамкетинской, Ярославской и Келермесской. Бестней или Беслинеевцы, жившие по р.р. Большому и Малому Тегеням, Окарту, Урупу и по обеим сторонам среднего течения р. Лабы.

В списке Пейсонеля оказываются пропущенными Тамовцы и Кизильбековцы, обитавшие в верховьях р.р. Лабы и Андрюка.

Что касается подразделения на сословия черкесского народа, то в этом отношении, как уже замечено выше, сведения Пейсонеля не заслуживают никакого внимания и представляют собою полное извращение фактов. Желаям ближе ознакомиться с этим предметом рекомендую обратиться к сочинению Ф. И. Леонтовича: «Адаты Кавказских горцев», выпуск 1-й, изданному в Одессе. Здесь-же замечу только, что у западнокавказских горцев беев и сипагов не было. У кабардинцев, сословный строй которых был воспринят, с некоторыми видоизменениями, и всеми прочими племенами горцев, (за исключением Абазинцев, имевших свое особое сословное деление, заимствованное у Абхазцев, откуда они и переселились в Кубанскую область, т. е. в Черкессию Пейсонеля, в XVI столетии). существовало одиннадцать различных сословий, если включить в число их и крымских султанов, водворившихся в среде горцев в начале XVIII-го столетия и являющихся поэтому пришлым элементом населения. Сословия эти следующие: хануко или султаны, пши или князья, тякотледжи, уздени княжеские или беслень уорк (дворяне), уздени 2-й степени или уоркша-отлехуса (дворяне), тфохотль — свободные люди, беслень-пшитль — княжеские крестьяне, ог — узденские крестьяне, тляхосшао — другой род узденских крестьян, лягунауты, унауты и лигва — дворовые люди с различными обязанностями; и куллы — бесправные рабы. У некоторых племен не было ни князей, ни крестьян, и сословия носили иные названия.

16. Во времена Пейсонеля горцы жили оседло и, если переселялись в другие места, то только всилу какой либо необходимости.

17. Название упоминаемой Пейсонелем крепости Agdja не встречается в других источниках и на картах того времени. Может быть, под этим именем надо подразумевать крепость Анапу, построенную турками в 1783 году?